

Юлия Пикалова

Мифы и правды

Сон антрополога

«Едва замкнется дверь времен грядущих,
Умрет все знание, свойственное нам».

Данте

мы любили тепло того что у вас называют солнцем
мастерили дудочки из костей
но потом уступили планету вам кроманьонцам
почему? у вас есть ученые пусть они и скажут вам без затей

так мол и так маловата лобная доля
ни общиной осесть ни приручить волков
вот и осталось слабым убраться с поля
был такой планетянин – и был таков

наши останки по разным местам покоясь
иногда отыщутся вот теперь вы будете их беречь
у нас тоже была подъязычная кость гортань и голос
но никто ничего не знает про нашу речь

и когда настанет и ваш черед поглотиться другими
или вовсе убраться с лица усталой земли
не останется никого кто вспомнил бы ваше имя
только волки если бы говорить могли

ах у вас есть письменность биб-ли-о-тека
и как правильно – серверы? сервера? ну да
вы же сами сказали от всего человека
остается... забыл... никогда? никогда? никогда?

Миф о мифе: Орфей

дыханьем жарким на щеке разбудишь –
и будет *мы*, не станет *я* и *ты*.
а дальше ты – избудешь, ты – забудешь,
ты – выберешь забыть! ты темноты

ослушаться не сможешь, не посмеешь.
о, поначалу это будет ад!
но день за днем – и память ты развеешь,
тут главное – не взглядывать назад.

теперь, когда в пергаментх истертых
мой облик проступает все скупей,
ты спустишься за мною в царство мертвых?..
ведь есть же миф! верни меня, Орфей!

Миф о мифе: Пигмалион

томясь ли чем, мечтая ли о ком,
или болея виденным во сне –
я проверяла мрамор молоком,*
и он теплел и отзывался мне.

теплел и не желал назад, во тьму,
и в жилках зарождался кровоток...

---

* Так скульпторы выбирают мраморные блоки, проверяя их на целостность.

я поддалась. азарт меня увлек.
я отдала дыхание ему.

.....
.....
.....
.....

потом осталась мраморная плоть,
что не способна петь или пылать.
зачем ты наделил меня, господь,
умением напрасно наделять?

и почему, найдя однажды вновь
неявленный в людское бытие
прохладный камень, прячущий любовь, –
опять отдам дыхание свое?

Миф о мифе: Лорелея

мой дом на скале голубой
и волосы рыжи.
зовут лорелеей, судьбой,
сбиваются ближе.

а что мне? в высоком дому
тягучи столетья,
и нет среди этих, кому
хотела бы спеть я.

молчу, и прохладен мой лоб
(века все длиннее),
до сумерек думая: кто б
напел лорелее.

Миф о мифе: Икар

я – Икар.
я испытывал крылья.
я на перьях и воске – летал!
человеком, обретшим всесилье,
я стучался в небесный портал.

я был сброшен.
не сразу, не сразу.
не берут, вероятно, безнал.
сохранили и тело, и разум
человеку, что небо познал.

но когда
семисотые сутки
плачет память, полеты храня, –
как мне выжить при здравом рассудке?!
обезумьте меня!

Миф о мифе: Калипсо

Сегодня все сплываются ко мне:
На острове моем сегодня праздник.
Качаются свечами на волне
Под небом в искупительном огне
Суденышки – не сосчитаешь разных!

Когда же фейерверк окончен мой –
На грани неприличного, галопом
Они несутся от меня домой
Не глядя, задыхаясь, по прямой
К заждавшимся за вечность пенелопам.

Концерт: Тезей

зной застигает веки. что еще
грозит Тезею?
и зал, стозевное чудовище,
из тьмы глазеет,

и долг – зайти и покорить его,
и выйти живу,
и льется звук кроветворительный
в тугие жилы,

и зал ревет, сдаваясь истово, –
тоска в зените,
когда Тезей, добив на бис его,
уйдет по нити.

Лилит

Как ослепительна Лилит! –
И как бледна последыш-Ева.
Да, плакать гордость не велит,
Но эти слезы – слезы гнева.

Миф о мифе: Фауст

Ах, это ты?
Спасибо, что зашел.
Я сам давно не наношу визиты.
Не узнаешь? Ну что же, хорошо –
Теперь мы квиты.

Не надо,
Ничего не говори.

Я знаю: я и наг, и безоружен.
Но столько совершается внутри,
Что стало безразлично, что снаружи!

Маргарита

1.

Налетело,
Жарким ветром накрыло,
Понесло
И волосы растрепало,
Взгляд зажгло,
Расправило крылья
И забросило в самую гущу бала!

Там пылал Шопен, рокотал Бетховен.
Там Прокофьев шурил глаза с сарказмом.
Там – детектор правды: и тот греховен,
Кто на свой порыв отвечал отказом.

Там гулял и Пушкин: не вреден север,*
Если жаркий ветер не знает меры
На балу
В квартире
В ионосфере
В XXI веке не нашей эры.

А всего-то было: в руке мимоза.
А всего-то жизнь изнутри стучала...

– Получай! Не сдохни от передоза.
Распишись! – Вот счастье: живи с начала.
Не молчи – взорвешься! Когда отхлынет –
Вот тогда и переведешь дыханье.

---

* «Там некогда гулял и я, но вреден север для меня».

На скамье разошедшейся – Старший Плиний...**

– Как? Уже? Но я начала стихами
Лишь сейчас! Я ветер люблю горячий!
Я – могу! Верните его обратно!

– Нет. Сумей сама. Научись иначе.
Ты сама есть ветер, упрямству кратный.

2.

Сдвинув брови, думает Маргарита:
Был ли Мастер? или сама я Мастер?
Третий час под локтем тетрадь открыта.
Ветра не замечает, что ей подвластен.
La diritta via era smarrita.***

Варенье

Когда-то мы были внове
На этой чудной планете.
Глазели кругом с восторгом
И все хватали руками,
Ну чисто малые дети –
И вещь не прятала сути.
И в рифму мы не умели,
Но речь сейчас не об этом.

** В финальных двух четверостишиях «Писем римскому другу» лирический герой вдруг исчезает. Это похоже на смерть.

*** Дословно: «Прямой путь был утрачен». Из «Божественной комедии».

Nel mezzo del cammin di nostra vita
mi ritrovai per una selva oscura
che' la diritta via era smarrita.

Когда-то сны были вещи: Коперник на космодроме.
Вообще, что нужно от вещи, ее познания кроме?
Но дальше...

От вещи – пищи / духовной, ненасытимой / не всякий вообще-то ищет: / желудок сперва хотим мы / наполнить. Еще нам надо / вещами – владеть. В итоге / из яблочек райского сада / варенья варим потоки.

И женщин бывшего рая мы богу выдали: вот, мол, они с познанием играли, а лучше б яблочки – в подпол, в кадушки, банки, бочонки, чтоб нас зимой прокормило. Ну что с них возьмешь? Девчонки! Прости нас, бог, и помилуй с заоблачного портала: тебе там, поди, не видно, как Ева нам плод достала... А мы из него – повидло!

Теперь все будет как надо, а плод в пищевой цепочке. Тебе ведь узнать – отрада, что Фаусты – одиночки, что все Мастера – в больнице? К чему нам их озаренья? Но мы не жжем их страницы – накроем банки с вареньем! Спокоен будь за живое с рожденья и до надгробья.

А бог качал головою:
«По образу и подобию...
Но был я сюрреалистом».

